

Emily X. R. Pan

The Astonishing Color of After

LITTLE, BROWN AND COMPANY

New York Boston

Эмили С.Р. Пэн

Ослепительный цвет будущего

Перевела с английского Анна Захарьева

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
П97

THE ASTONISHING COLOR OF AFTER
by Emily X.R. Pan

Напечатано при содействии литературного агентства Andrew Nurnberg.

Иллюстрации использованы по лицензии Shutterstock.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Пэн, Эмили С.Р.

П97 Слепительный цвет будущего : [роман] / Эмили С.Р. Пэн ; пер. с англ. А. Захарьевой. — Москва : Popcorn Books, 2023. — 512 с.

ISBN 978-5-6048361-3-2

Ли Сэндэрс убеждена в том, что ее мать, совершив самоубийство, превратилась в птицу. После трагедии Ли отправляется на Тайвань, чтобы встретиться с бабушкой и дедушкой, которых она никогда не видела. Ли верит, что именно здесь найдет свою мать-птицу. И именно здесь ей предстоит столкнуться с призраками прошлого и раскрыть тайны, окутывающие ее семью много лет.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Анна Захарьева, перевод на русский язык, 2019
© Вера Маркова, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
Popcorn Books, 2023

Copyright © 2018 by Emily X.R. Pan

ISBN 978-5-6048361-3-2

Cover art copyright © by Kelly Chong, 2022

Для 媽媽, 爸爸 и Лорен, которые всегда верили,
что у меня получится

*И если я увижу вдруг
ту птицу в небесах...*

Эмили Дикинсон

1

Моя мать — птица. И это не какой-то метафорический бред в стиле текстов Уильяма Фолкнера, напоминающих сплошной поток сознания. Моя. Мать. Действительно. Птица.

Я знаю, что это правда, точно так же, как знаю, что пятно на полу в спальне вечно — как небо; так же, как знаю, что мой отец никогда себя не простит. Никто мне не верит, но это факт. Я абсолютно в этом убеждена.

Вначале эта дыра в форме матери состояла из крови. Темной и липкой, просочившейся в ковер до самого его основания.

Снова и снова я возвращаюсь мыслями в тот июньский вечер. Я шла домой от Акселя и подросла как раз в ту минуту, когда отец вышел на крыльцо — он явно искал меня. Я никогда не забуду эту картину: его скользкие, трясущиеся руки, какое-то темно-красное пятно на виске и грудь, вздымающуюся так тяжело, словно он вдыхал не воздух, а металлические опилки. Сначала я решила, что это с ним что-то случилось.

— Ли, твоя мать...

Он запнулся, и его лицо сморщилось, превратившись в нечто ужасное. Когда он наконец произнес эти слова, казалось, что, прежде чем достичь моего слуха, его голос прошел сквозь целый океан. Это был холодный, лазурный звук, далекий и искаженный. Я никак не могла осознать, что сказал отец. Даже когда приехала полиция. Даже когда они выносили через входную дверь тело моей матери.

Это произошло в День двух с половиной. *Наш* день — для меня и Аксея он стал ежегодной традицией. Он должен был пройти по-праздничному. Учебный год завершался, и все начало возвращаться на круги своя, даже несмотря на то, что Лианн все еще присутствовала в нашей жизни. Мы уже строили планы на предстоящее лето. Но, видимо, у вселенной есть привычка время от времени давать ожиданиям внушительный пинок под зад.

Где я была в тот день: сидела на старом твидовом диване в подвале Аксея, терлась лицом о его плечо и старалась не замечать оранжевую электрическую стену между нами.

Что будет, если я прижму свои губы к его? Ударит ли меня током, как от собачьего ошейника? Или стены начнут осыпаться? А может, мы сольемся воедино?

И что насчет Лианн — исчезнет ли она? Может ли один поцелуй заставить ее испариться?

Но был вопрос и получше: как много он может разрушить?

Моя мать знала, где я. Эта мысль до сих пор не дает мне покоя.

Если бы я хоть на минуту вынырнула из моря своих идиотских гормонов, то, возможно, мои нейромедиаторы подали бы мне сигнал, что нужно идти домой. Может, я очнулась бы от своей слепоты и заставила себя наконец увидеть,

насколько все было плохо, — или как минимум заметила бы, что все цвета вокруг перемешались.

Но вместо этого я еще глубже спряталась в свою раковину, решив побыть одним из тех растерянных подростков, заикленных только на себе. На уроках полового воспитания учителя всегда делали акцент на том, что мальчики одержимы гормонами. Но, сидя на том твидовом диване, я пребывала в полной уверенности, что какую-то очень важную деталь о женском теле — или, во всяком случае, о *моем* теле — учителя от нас скрыли. Я была фейерверком, готовым выстрелить в любую секунду, и, если бы Аксель приблизился еще на миллиметр, я бы взорвалась, улетев высоко в небо, а потом осыпалась тысячами светящихся искр.

В тот день он был в коричневой рубашке в клетку. Моей любимой; она была самой старой и мягче остальных ощущалась у меня на щеке, когда я обнимала его. В воздухе разливалась смесь его мальчишеских запахов: сладость дезодоранта, что-то дымчато-цветочное и аромат, напоминающий бесшумную вечернюю траву.

В конце концов, это он снял очки и поцеловал меня. Но вместо того чтобы взорваться искрами, мое тело словно заледенело. Стоило мне пошевелиться — и все бы исчезло. Одна лишь мысль о поцелуе как прикосновение морозной волшебной палочки к груди. Мои ребра сжались, превратившись в ледяную глыбу, по которой паутиной побежали тонкие трещинки. Я больше не была фейерверком. Я была чем-то замерзшим, спрятанным далеко в Арктике.

Руки Акселя скользнули по моей спине, и ледяное проклятие спало. Я оттаивала — он запустил мой механизм; я отчаянно целовала его в ответ, наши губы были повсюду, и мое тело светилось оранжевым светом, или фиолетовым,

или... Нет, оно светилось всеми цветами вселенной одновременно.

За несколько минут до этого мы ели попкорн в шоколаде — и именно таким он был на вкус. Сладким и соленым.

Взрыв мыслей заставил меня остановиться. Облако осколков-напоминаний: он мой лучший друг, он единственный человек (помимо мамы), которому я доверяю полностью, я не должна целовать его, *не могу* целовать его...

— Какой цвет? — тихо спросил Аксель.

Если один из нас хотел узнать, что чувствует второй, то всегда задавал этот вопрос. Мы были лучшими друзьями с тех пор, как познакомились на уроках рисования миссис Донован, — так что этого было достаточно. Цвет как средство передать настроение, достижение, разочарование, желание.

Я не могла ему ответить. Не могла признаться, что внутри меня мерцает весь чертов цветовой спектр, включая целый набор оттенков, о которых я раньше и не догадывалась. Вместо ответа я встала.

— Черт, — выдохнула я.

— Что такое? — спросил он. Даже в тусклом свете подвала я видела, как горят румянцем его щеки.

Руки... Я не знала, куда деть руки.

— Прости, мне нужно... Нужно идти.

У нас было правило — никакого вранья. Я снова его нарушала.

— Ли, ты серьезно? — произнес он, но я уже бежала по ступенькам, хватаясь за перила, чтобы быстрее оказаться наверху. Я выскочила в коридор, ведущий в гостиную, и принялась ловить ртом воздух, будто только что вынырнула на поверхность после самого глубокого на свете погружения.

Он не побежал следом. Входная дверь с шумом захлопнулась, когда я вышла: даже его дом злился на меня. Этот треск прозвучал грязно-рвотным зеленым. Я представила, что так же резко хлопает по страницам переплет недочитанной книги.

2

Я никогда не видела трупов вблизи. Подъехали полицейские, и я побежала, чтобы их опередить. Вверх по лестнице, две ступени за раз. Я ворвалась в спальню родителей, едва не выломав дверь. Я не видела ничего, кроме ног матери на полу, торчавших по ту сторону кровати.

Затем позади меня возник папа; он пытался оттащить меня с прохода, пока в моих ушах звенел оглушающий крик. Такой громкий, что я была уверена — это какой-то полицейский сигнал. Лишь замолчав, я поняла: кричала я сама. Звук шел у меня изо рта. У меня из легких.

Я увидела пятно только после того, как маму унесли и кто-то уже предпринял попытку оттереть его с ковра. Но оно по-прежнему было темным и широким, продолговатым, отвратительным. И не скажешь, что в форме матери.

Легче было представить, что это пятно от акриловой краски. Пигмент, эмульсия. Растворяется водой до полного высыхания.

Но кое-что представить трудно: что пролитая краска всегда случайность.

Обычно, когда кто-то разливает краску, в этом не участвуют нож и горсть таблеток снотворного.

На следующий день после того, как *это случилось*, мы потратили несколько часов в поисках записки. И эта часть была самой сюрреалистичной. И папа, и я перемещались по дому, словно сонные ленивцы, открывая ящики и комоды, перебирая пальцами содержимое полок.

Все это неправда, если нет записки. Эта мысль беспрерывно проносилась у меня в голове. *Она бы обязательно оставила записку.*

Я отказывалась заходить в родительскую спальню. Я не могла забыть мамины ноги на полу, торчащие с другой стороны кровати; кровь, ударившую мне в голову осознанием: *она мертва она мертва она мертва.*

В коридоре я прислонилась к стене и стала слушать, как папа, продолжая поиски и перемещаясь из одного конца комнаты в другой, остервенело копается в бумагах — в том же отчаянии, которое ощущала и я. Я слышала, как он открыл коробку с украшениями и спустя минуту захлопнул крышку. Слышала, как он разбирает кровать — видимо, пытался найти записку под подушками, под матрасом.

Где, черт возьми, люди обычно оставляют предсмертные записки?

Если бы Аксель был здесь, со мной, он наверняка сжал бы рукой мое плечо и спросил: «Какой цвет?»

И мне пришлось бы объяснять ему, что я стала бесцветной, прозрачной. Медузой, попавшей в плен течения и вынужденной двигаться по велению океана. Я была такой же ненастоящей, как несуществующая записка моей матери.

Но если записки и правда нет — что тогда это значит?

Отец, похоже, что-то нашел — по ту сторону двери вдруг повисла оглушительная тишина.

— Пап? — позвала я.

Ответа не последовало. Но я знала, что он там. Я знала, что он в сознании, что он стоит по ту сторону стены и слышит меня.

— Папа, — произнесла я снова.

Я услышала долгий, тяжкий вздох. Шаркающими шагами отец подошел к двери и распахнул ее.

— Нашел? — спросила я.

Он медлил с ответом, избегая моего взгляда, смущаясь. Наконец протянул руку, в которой сжимал скомканный листок бумаги.

— Нашел в мусорном ведре, — выдал он. — И это тоже.

Он раскрыл ладонь до конца, и я увидела горсть капсул, которые узнала в ту же секунду. Машины антидепрессанты. Он снова сжал кулак и пошел вниз.

В тело просочился бирюзовый мороз. Когда она прекратила принимать таблетки?

Я развернула листок и уставилась в его белизну. На поверхности не было ни следа крови. Руки, словно чужие, сами поднесли бумагу к лицу — я втянула носом воздух, пытаясь уловить последние остатки мамино аромата.

Наконец я заставила себя взглянуть на написанное.

Аи и Брайану
Я вас очень люблю
Проси~~те~~ ~~меня~~
Таблетки не

Ниже были нацарапаны еще какие-то слова, но они были перечеркнуты столько раз, что прочитать их уже не представлялось возможным. И в самом низу — последняя строка:

~~Я хочу, чтобы вы помнили~~

Что пыталась сказать нам мама?

Что мы должны помнить?

3

Ночи я стала проводить на диване внизу — как можно дальше от спальни родителей. Я почти не спала, но, утопая в недрах старого кожаного дивана, часто представляла себя на руках у великанши. У нее было мамино лицо, мамин голос. Время от времени, когда мне удавалось провалиться в беспоконную дремоту, громкое тиканье часов над телевизором превращалось в ее сердцебиение.

В перерывах между ударами огромного сердца в мои сны прокрадывались обрывки прошлого. Смеющиеся родители. Мой день рождения — наши лица, измазанные шоколадным пирогом. Мама, пытающаяся играть на пианино пальцами ног, — по моей просьбе. Папа, напевающий стишки собственного сочинения: «Веселая Ли хохочет вдали», «Ох — ну и вздох!».

Это была ночь перед похоронами; около трех я проснулась от резкого стука в дверь. Это был не сон; я знала точно, поскольку только что мне снилось, как великанша мурлычет что-то себе под нос, сидя за пианино. Больше никто не проснулся. Ни отец, ни мамина кошка. Деревянный пол ужалил ноги холодом, и, растерянная из-за перепада температур,

я, дрожа, вышла в прихожую. С силой потянув на себя тяжелую входную дверь, я впустила в дом свет с крыльца.

Наша улица на окраине города была лиловой, темной, тихой — лишь в траве ритмично стрекотал одинокий сверчок. Шум вдалеке заставил меня поднять глаза, и я увидела, как в тусклом предрассветном небе мелькнуло что-то ярко-алое. Оно хлопнуло крыльями — один раз, другой. За туловищем последовал хвост, развеваясь словно флаг. Существо пронеслось над полумесяцем, мимо тени большого облака.

Я не испугалась, даже когда птица спланировала над нашим газоном и приземлилась на крыльцо, отбивая короткие трели коготками по деревянному настилу. Невиданное создание было почти с меня ростом.

— Ли, — произнесла птица.

Этот голос я узнала бы где угодно. Голос, который, подождав, пока я закончу плакать, заботливо спрашивал, не налить ли мне стакан воды; который предлагал сделать перерыв на горячие печенья, когда я учила уроки; который вызывался довезти меня до художественного магазина. Это был желтый голос, пошитый из ярких и мелодичных звуков, и этот голос доносился из клюва алого существа.

Взглядом я оценила его размер — совсем не похоже на миниатюрную фигуру моей матери, когда та была человеком. Птица напоминала японского журавля, только с длинным, густо покрытым перьями хвостом. Вблизи я разглядела, что все перья остроконечные и сияющие и каждое окрашено в свой оттенок красного. Когда я протянула руку, воздух резко поменялся, будто я прикоснулась к идеально гладкой поверхности воды. Птица поднялась в небо, хлопая крыльями, и в конце концов скрылась из виду. Единственное красное перо осталось лежать на крыльце, загнутое, как лезвие серпа; в выпрямленном состоянии оно было длиной

с мое предплечье. Я бросилась к нему, невольно подняв чуть ощутимый ветерок. Перо лениво взмыло в воздух, будто зачерпывая его своим полумесяцем, и замерло. Я нагнулась к земле, чтобы поймать его ладонью, и приподняла голову, вглядываясь в небо. Птица улетела.

Вернется ли она? На всякий случай я налила в ведро воды, а дверь оставила приоткрытой. Перо я взяла с собой и, едва опустившись на диван, заснула глубоким сном — впервые с того дня, как появилось *пятно*. Мне снилась алая птица, и, проснувшись, я была убеждена, что на самом деле ее не существует. Но затем я увидела, что сжимаю в кулаке перо — да так крепко, что на коже остались следы от ногтей. Даже во сне я боялась его потерять.